

подобныхъ явленіяхъ повсюду на сѣверѣ повторяется то же самое. Не въ лачужкахъ и хижинахъ, а въ десяткахъ тысячъ порядочныхъ домовъ — и въ Финляндіи, въ Олонецкой, и въ Архангельской губерніяхъ. Неурожай послѣднихъ шести лѣтъ и особенно 1867 года окончательно подорвали благосостояніе крестьянского хозяйства. Въ сѣверной Финляндіи подобнаго рода сцены проиходили даже на зажиточныхъ мызахъ.

Съ дальніаго Сѣвера.

(Изъ письма сѣвакрика¹⁾).

Простите меня великодушно за долгое мое молчаніе и медленный отвѣтъ на ваше письмо. Все дѣла, дѣла и суета суетъ сего міра тому причиною. Да впрочемъ не скоро и не легко доходить сюда до меня, гдѣ я въ настоящее время обрѣтаюсь, а равно и отсюда до васъ, письма и вѣсточки. Но прошу напередъ не пугаться здѣшнихъ пустынь, которыхъ я слегка коснусь въ этомъ письмѣ. Моя

¹⁾ Было напечатано въ „Олонецк. Губ. Вѣдом.“ 1873 г., № 77.

жетъ быть скоро увидимся; какъ-нибудь выберусь и я изъ здѣшняго захолустья.

А въ самомъ дѣлѣ, куда какъ жалко разстаться съ здѣшними мѣстами! Представьте здѣшнія живописныя окрестности: взглянешь въ одну сторону — лѣса да озера, въ другую — лѣса да болота; въ третью сторону обратишь свои взоры — лѣса да глушь, а въ четвертую — неизмѣримая даль пустыни. И хотя въ зимнее время, какъ я писалъ вамъ, я нахожусь здѣсь въ царствѣ оленей, которыхъ здѣсь больше, чѣмъ у васъ на Невскомъ лошадей, а лисицы здѣсь больше, чѣмъ у васъ собакъ по улицамъ бѣгаютъ, но зато вѣчно нѣмая пустыня, сугробы снѣга и отсутствіе солнца, которое показается всего на нѣсколько часовъ надъ вершинами деревъ, обогнеть сводъ неба и скроется; однимъ словомъ, — мракъ выюги, стужи и трескучіе морозы. Однако теперь здѣсь въ самомъ дѣлѣ хорошо. Не даромъ простой народъ говоритъ: солнце праведное одинаково свѣтить бѣднымъ и богатымъ. Вотъ на самомъ дѣлѣ и въ настоящее время оно какъ будто платить намъ за свое отсутствіе въ зимнюю пору болѣе чѣмъ двадцати-часовымъ свѣтомъ и тепломъ въ сутки, и только на нѣсколько часовъ скрывается съ нашего горизонта на покой. Но въ этой короткой здѣшней лѣтней ночи такъ свѣтло, что я своими плохими глазами въ состояніи за версту узнать человѣка по

лицу. А озера, — коихъ въ это время здѣсь безчисленное множество, — одѣвшись въ лѣтній праздничный нарядъ, со своими мысками, заливами, островами, окаймленными лѣсомъ, отражаютъ въ зеркальныхъ лонахъ своихъ великолѣпныя картины, болѣе величественные, чѣмъ позлащенные зеркала свѣтскихъ салоновъ. Такимъ образомъ и на нашей улицѣ вышелъ праздникъ, и мы вступили въ фазисъ лѣтняго сезона и наслаждаемся ландшафтами сѣверной природы.

Какъ бы ни старались туристы представить роскошь тропическихъ странъ и описать красоту сѣверной лѣтней ночи, но описание ихъ все же будетъ слабо. Только истинный любитель природы, будучи здѣсь на сѣверѣ, въ состояніи оцѣнить красоту здѣшней лѣтней ночи,—этого не потухающаго свѣта солнечной зари. Стройный концертъ птичекъ куда какъ далеко превосходитъ концерты многихъ увеселительныхъ заведеній столицы. Здѣсь лѣса наполнены этими пѣвчими больше, чѣмъ у васъ въ столицѣ, зимнею ночью, воронъ и галокъ въ Лѣтнемъ саду, или голубей—около хлѣбныхъ складовъ Невской лавры. А рѣчки и озера оживляются у насъ лѣтомъ прилетными пернатыми: гусями, лебедями и множествомъ разнородныхъ породъ утокъ. Кукушка въ сыромъ бору монотоннымъ своимъ на-

ивомъ располагаетъ одиночаго путника къ мечтательности.

Тутъ же, невдалекѣ отъ большого озера, отдыкаетъ огромное топкое болото, предательски покрытое зеленью, и, удаляясь въ безпределную даль пустыни, гордится своимъ многоплодиемъ болѣе нашего прадѣда Авраама: на его обширной поверхности въ теченіе одного мѣсяца зарождаются миллионы существъ, скачущихъ, ползающихъ и летающихъ. Кое-гдѣ на неизмѣримой глади болота червлютъ изрѣдка пятна: это—небольшіе острова, съ болѣе твердымъ грунтомъ почвы и полузасохшимъ деревцами; они уподобляются оазисамъ песчаной пустыни, съ ихъ финиковыми пальмами и ключевою водою, на которыхъ изнуренные путешественники находятъ себѣ тѣнь и прохладу отъ палищаго зноя и утоляютъ смертельную жажду. Здѣсь, на этихъ островкахъ, нѣкоторые экземпляры изъ царства пернатыхъ вьютъ себѣ гнѣзда, вѣ опасности отъ враждебнаго имъ звѣря либо охотника. Тутъ же эти пернатыя своими пѣснями и криками, словно при вавилонскомъ сполотвореніи, инстинктивно передаютъ другъ другу разными голосами свои радости и печали, перелетая безпрестанно съ озера на болото и съ болота на озеро, гдѣ, рѣзвясь межъ собою, ныряютъ и гоняются за рыбой, чтобы полакомиться потомъ за обѣдомъ. А въ здѣшнихъ озерахъ, за-

мечу мимоходомъ, рыбы больше, чѣмъ у васъ на Фонтанкѣ въ рыбныхъ садкахъ.

Право, не знаю, угодилъ ли я вашему вкусу настоящимъ моимъ письмомъ,—но чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Всякъ куликъ свое болото хвалить и бы ваетъ своимъ доволенъ. Здѣсь же богатство южныхъ тропическихъ странъ нѣтъ и въ заводѣ. Въ нашихъ лѣсахъ вмѣсто лимоновъ, апельсиновъ и ананасовъ валяются сосновыя шишки и еловые желуди; о стоячихъ увеселеніяхъ и понятія не имѣмъ: ни театровъ, ни театральныхъ представлений, ни народныхъ гуляній, ни майскихъ парадовъ и различнаго рода овацій при встрѣчѣ знаменитыхъ гостей мы не знаемъ. У насъ—лѣса да болота, и по нимъ вѣтется чуть лишь замѣтная тропа, по которой мы держимъ путь свой; вмѣстѣ съ нами, по этимъ же тропамъ, разгуливаютъ и здѣшніе олеви, медвѣди; нерѣдко между ними встрѣтишь также и гуляющаго съ аристократическимъ достоинствомъ быстроногаго лося, украшенного тяжелыми рогами, красивою гривою и съ гордою величественною осанкой.

Виновать, о зайцахъ-то я и позабылъ: ихъ здѣсь меныше, чѣмъ лисицъ и оленей, но все же будетъ столько, пожалуй, сколько у васъ въ столицѣ кошекъ, и они здѣсь такие смиренные, что такъ и увишаются около ногъ; едва присядешь въ какомъ-нибудь углу лѣсной трущобы отдохнуть, какъ они уже лѣзутъ

на колѣни; или приляжешь на бору и видишь вдругъ, какъ зайченокъ карабкается на грудь. Конечно, погладишь, поласкаешь его,—и въ самомъ дѣлѣ вѣдь достойны сожалѣнія эти звѣрьки, круглыя сироты: мать выбросить ихъ изъ своей родительской утробы куда попало—весною, во время наста, даже прямо на снѣгъ, какъ будто хотѣть сказать: у васъ такие же большие глаза, какъ у меня; идите куда знаете, міръ Божій да питаетъ васъ! Вотъ такихъ-то крошечныхъ маленькихъ звѣрьковъ наберешь другой разъ до полудюжины въ карманы, принесешь домой, погрешишь ихъ, поласкаешь и дашь имъ молочка. Но въ концѣ концовъ какъ подумаешь, что у этого отъ природы апатичнаго звѣреныша нѣтъ ни филантропическихъ, ни родственныхъ чувствъ состраданія и сочувствія, невольно потеряешь всякое сочувствіе къ нимъ,—возьмешь да и пустишь ихъ въ лѣсъ. Много такихъ, я думаю, и у васъ въ столицѣ имѣется, даже умныхъ существъ, облеченныхъ въ образъ человѣка, которые гораздо холоднѣе обращаются съ своимъ плодомъ, чѣмъ наши сѣверные зайцы. Впрочемъ изъ царства четвероногихъ только одни зайцы такъ холодно обращаются съ своими дѣтенышами; изъ царства пернатыхъ только одна кукушка до того жестока и немилосердна, что кладетъ свои яйца въ чужія гнѣзда, а послѣ и знать не хочетъ о своихъ птенцахъ.